

УДК 34:01

Розовский Б.Г.

Заслуженный юрист Украины

доктор юридических наук, профессор,

заведующий кафедрой правоведения ВНУ им.Дала

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОЦЕДУРЫ ПРАВОСУДИЯ

Преступность во всех её проявлениях была и остаётся извечной проблемой общества. Актуальность борьбы с ней нарастает с каждым поколением. Ныне рост преступности в большинстве стран мира опережает рост численности населения, раскрываемость преступлений остается стабильно низкой, эффективность наказания далека от желаемой. По мере гуманизации правосудия, растут и без того высокие затраты на его осуществление, весомым бременем лежащие на правопослушную часть населения. На Западе сформировалась целая отрасль знания – экономика правопорядка, однако ни в Украине, ни в Российской Федерации, несмотря на очевидную потребность, она не получает развития. В настоящей работе предпринимается попытка наметить некоторые пути сокращения расходов на осуществление одной из стадий уголовного процесса – досудебного производства, что позитивно отразится и на последующих стадиях.

Два суда в одном процессе

Отправная установка: избыточная экономическая затратность правосудия означает недопустимую в цивилизованном обществе дополнительную социально-психологическую нагрузку на потерпевшего, подозреваемого, свидетелей, других участников процесса. Однако попытки исследовать цели правосудия в комплексе со средствами их достижения, определить, насколько велик перечень сопутствующих социальных издержек, взвесить, сколько здоровых «клеток» общества несут неоправданную нагрузку при применении мер правового «лечения», какой социальной ценой достигаются запланированные результаты, не предпринимаются.

Я давно задумался над возможностью упростить некоторые составляющие уголовного процесса в целях повышения его эффективности. Отдельные предложения изложил в статьях, опубликованных в Украине и России, однако опрометчиво адресовал их будущему¹. На деле уподобился, по-Мейерхольду, вулкану, извергающему вату: речь шла всего лишь об элементарном реформировании существующего уголовного процесса. Чтобы не утруждать уважаемого читателя поиском моих публикаций, кратко изложу их суть вместе со сделанными затем изменениями и дополнениями.

При трезвой оценке якобы спрогнозированное там будущее уже давно на пороге научно–практического уголовного процессуального дома. Требуется лишь широко открыть двери. Понимаю, мне одному, с учётом немногих оставшихся лет жизни, решить задачу трудно. Делаю частные наброски. Исхожу из того, что пока будущая магистральная трасса уголовного процесса даже не в проекте, не грех заняться повышением благосостояния существующих дорог. И не только путем реконструкции или капитального ремонта – это требует коллективных усилий. Полезно также где-то подсыпать песочка, чтобы машины не буксовали, засыпать ямку или прокопать канавку для стока воды. Этим и займусь. (Из-за ограниченного размера статьи не буду вступать в дискуссию, исключу – пусть простят меня авторы – цитирование).

Сегодня преступник, при всей специфике, подвергается двум полнокровным судам: первый приговор, именуя его обвинительным актом/обвинительным заключением, ему выносят следователь и прокурор, второй – суд. Различие лишь в том, что в первом варианте мера наказания логикой изложения фабулы предопределяется, во втором она реализуется, назначается. На практике в подавляющем

¹ Розовский Б.Г. Уголовный процесс: попытка подсмотреть будущее. / Библиотека криминалиста. Научный журнал. М. 2014. № 8. Частично измененный вариант: Розовский Б.Г. Народный суд и народный следователь: из прошлого в будущее / Юридичний вісник України. К. 2014. № 27,28

большинстве в содержании обвинительного акта и приговора принципиальных отличий не наблюдается.

Парадокс достигает апогея в новом украинском уголовном процессуальном законодательстве. По завершению досудебного расследования его материалы автоматически превращаются в спам, макулатуру: в суд они не направляются, остаются лежать на столе у прокурора, утвердившего обвинительный акт. Более того, в соответствии с ч.4 ст.95 УПК Украины суд не вправе обосновывать судебные решения показаниями, предоставленными следователю, прокурору или ссылаться на них.

Идея понятна: ничтоже сумняшеся ретранслировали западные образцы. Однако законодатель, вопреки логике и здравому смыслу, счел необходимым сохранить на досудебной стадии дотошно регламентированный старый порядок сбора и фиксации этого будущего спама, не попытался реформировать, с учетом новых реалий, требования к сбору и оценке доказательств. А оснований и возможностей к этому более, чем достаточно.

У меня наивный детский вопрос: если материалы предварительного расследования ныне не направляются в суд, зачем сохранили и даже ужесточили существовавшую процедуру их оформления?

Начну с простейшего. В абсолютном большинстве результаты досудебного расследования фиксировались на бумажных носителях и в таком виде направлялись в суд. Если теперь они в суд не направляются, нужна ли традиционная форма их фиксации? Допустимы два варианта. Первый – вместо бумажного носителя вводится (где возможно) компьютерный вариант документирования. В целях упрощения и сокращения сроков ознакомления подозреваемого, его защитника, потерпевшего, других лиц с материалами завершеного расследования он им передается в постоянное пользование. Компьютерный вариант всех имеющихся процессуальных документов они могут изучать в любое, из отведенного, время, в любом удобном для них месте. Позитивная сторона решения – возможность беспрепятственно прибегать для

консультаций к помощи специалистов, через интернет, прессу, другим путём обращаться за поддержкой к общественности. («Жюри присяжных - весь народ». А.В.Смирнов). Следователь освобождается от необходимости непроизводительно тратить время, выполняя роль зрителя за сохранностью материалов производства при ознакомлении сторон. Тенденция сформировалась: на электронные документы переходят хозяйственные суды/арбитраж, равнозначность документа на бумажных и электронных носителях признают нотариусы. От цифры, судя по всему, уже никуда не деться.

Второй вариант. Да, на ознакомление с протоколами по окончанию расследования уходит уйма времени, но несравнимо больше – на само их составление. Давайте дополним УПК регламентаций возможности использования сертифицированных аудиозаписывающих устройств и будем с их помощью синхронно фиксировать показания допрашиваемых. Для дальнейшей ориентации (когда, где, что записано) по каждой аудиозаписи следователь составляет справку с кратким изложением содержания и приобщает её к производству. Подписывать её кем-либо из других участников процесса представляется излишним – процессуальным документом остается аудиозапись. В целях предупреждения её фальсификации потребуются создать технические средства защиты, вплоть до специального депонирования. Это элементарное дело техники. Нет проблем и с прослушиванием записи в суде, если таковое потребуются. По сообщению Председателя Верховного суда РФ В. Лебедева, вносится законопроект о переходе к электронным протоколам судебных заседаний, составленным на основе аудиозаписи. Российские суды к этому готовы, Украина будет навёрстывать упущенное. - Рационально, экономически (весьма существенно) эффективно. Что может препятствовать?

С принятием предлагаемого подхода появляется возможность распространить сложившуюся в судах практику допроса с применением видео-конференц-связи на стадию досудебного расследования. Проведение, в случае необходимости, таким способом допросов потерпевших и свидетелей, не требующих применения

особых тактических приёмов, позволит существенно сократить затраты времени и финансовых ресурсов.

Уроки одного дела

Нетрадиционный вопрос: все ли поступающие следователю материалы подлежат приобщению в дело (в Украине производство)? Воспользуюсь показательным примером. Утром 17 августа 2009 года на Саяно–Шушенской ГЭС поток воды сорвал крышку гидроагрегата № 2 и хлынул в машинный зал. Крупнейшая на постсоветском пространстве гидроэнергетическая техногенная катастрофа унесла 75 жизней; одна погибшая была беременна. Енисею нанесен экологический ущерб, в деньги не конвертируемый. Причиной катастрофы признано разрушение шпилек крепления крышки турбины к её статору. Это, в свою очередь, явилось следствием повышенной вибрации гидроагрегата.

Обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 143 УК РФ (нарушение правил безопасности при ведении работ, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц и причинение крупного ущерба), предъявлено семерым должностным лицам. Расследование длилось 5 лет. До окончания расследования истёк срок привлечения к ответственности, предусмотренный данной статьёй. Уголовное дело прекратили, но возмущенные потерпевшие, поддержанные жителями посёлка Черёмушки, перекрыли дорогу на станцию. Постановление о прекращении дела отменили, действие виновных переквалифицировали на ч. 3 ст. 216 УК РФ (нарушение правил охраны труда), где санкция выше – показательный пример неопределенности норм уголовного законодательства, вольного их толкования – и продолжили расследование.

Обвиняемые и защитники намерено затягивают ознакомление с материалами дела, которое длится уже более года. Их ограничивали в сроках, но дело состоит из 1213 томов (!) – по масштабу это поселковая, а то и районная библиотека. Научно обоснованные сроки

ознакомления определить трудно². [2, С.16] (Этот вопрос включён в повестку дня Совета Федеральной палаты адвокатов).

Что делать?

Ситуация типична по многим делам. Её решение видится не столько в научном обосновании сроков ознакомления с материалами дела (попытке сделать из флегматичного мерина рысака, хотя и это актуально), сколько в процессуальной регламентации порядка формирования самого дела. Сегодня следователь – это кладовщик, архивариус абсолютного большинства всего того, что к нему поступает. Анализ и оценка необходимости приобщения каждого документа, какой бы относимый и допустимый он не был, по общему правилу не делается. Отсюда и насчитывают многие уголовные дела десятки, сотни, в описываемом случае - тысячи томов.

Давайте не zaangażированно, профессионально оценим информацию. Начну с простейшего. Судебно–медицинскому исследованию подверглись 75 трупов погибших при аварии. Причина смерти всех одна, она никем не оспаривается. Но в деле 75 объёмных актов экспертизы с описанием вскрытия каждого трупа и одинаковым заключением. Что мешало следователю предложить составить один акт экспертизы со сводным заключением (без материалов вскрытия каждого трупа) о причинных смерти пострадавших? На доказывании вины обвиняемых это не отразится, но ограничить злоупотребление обвиняемых и защитников временем ознакомления с материалами дела позволит существенно. Такая практика будет эффективной по другим делам о железнодорожных, авиа- и автокатастрофах.

Пойдем дальше. Причина аварии определена. Обвиняемые её не оспаривают. Есть соответствующее заключение экспертов. Оно сопровождается многостраничным описанием множества исследований шпилек крепления крышки турбины к её статору, причин повышенной вибрации гидроагрегата и ряда других. Некоторые из них даже не были использованы экспертами при формировании заключения, но все в дело подшиты. Зачем?

² Тарасов А. Монетизация смерти. / «Новая газета». № 103. 2014. – С.16.

У меня на памяти уголовное дело из собственной следственной практики времен СССР. Ревизия выявила недостачу товаров на крупной базе материально-технического снабжения. На десятке складов произвели снятие остатков тысячи наименований товаров. Все они описаны и приложены к акту ревизии. Там же материалы произведенных встречных проверок с поставщиками и потребителями. Заключение ревизоров занимало десяток страниц, а приложения - два тома. Признаюсь, я тогда был молодой, «зелёный» и всё это приобщил к делу. Но сегодня понимаю, следователь не робот, он в состоянии определить, наличие каких документов достаточно для предъявления обвинения виновным и доказательства их вины, и не приобщать к делу излишние, оставляя в наблюдательном производстве. Здесь не требуется вносить какие-либо изменения в УПК, никакие ограничения в этой части и так не предусмотрены. Надо лишь преодолеть привычку. Эффект предсказуем.

Пойдем ещё дальше. По общему правилу, в материалах ведомственного расследования содержатся письменные объяснения тех или иных лиц. Ныне объяснения приравнены к доказательствам. Но следователь, приняв дело к производству, непременно этих лиц допрашивает, даже если обвиняемые содержащаяся в них информацию не оспаривают, без оговорок подписали акт ведомственного расследования со всеми приложениями. – Зачем нужно заниматься дублированием? Поскольку в Украине протоколы допроса вместе со всем производством в суд не направляются, не проще ли лиц, чьи объяснения есть, без последующего допроса прямо включить в список свидетелей, подлежащих вызову? Что мешает регламентировать такой порядок в России?

Существенный вопрос. Свидетель при допросе предупреждается об ответственности за дачу ложных показаний и эта мера как бы служит гарантией получения от него объективной информации. Но вдумайтесь: проводится ведомственное расследование авторитетной государственной организацией, именно её выводы определяют дальнейшее движение дела, судьбу виновных и удовлетворение

ожиданий потерпевших. И вот там объективность показаний свидетелей процессуально не гарантируется. А любой, даже начинающий, следователь знает, как трудно потом получить правдивые показания свидетеля, который в объяснении по какой-то причине написал неправду. Не рационально ли специально оговорить в законе единый процессуальный порядок сбора и фиксации информации об обстоятельствах совершения преступления всеми уполномоченными на то органами?

В Украине регламентировано право сбора доказательств подозреваемым, его защитником и потерпевшим. Полагаю, это право необходимо распространить на гражданского истца и ответчика. При всей парадоксальности, не вижу каких-либо препятствий, если все они, как субъекты уголовного процесса, будут наделены правом предупреждать лиц, от которых получают информацию, об ответственности за её неправдивость при выявлении этого факта органами расследования или судом.

Следователь и только следователь

Проблема в определенной части имеет и другое решение. Как свидетельствует практика, ведомственное расследование проводится в значительной мере автономно от аналогичной деятельности правоохранительных органов. Следователи ожидают заключения ведомственных специалистов и лишь затем приступают к проверке и процессуализации собранных доказательств. Но почему вообще допускается самостоятельное ведомственное, правительственное и еще какое-то расследование совершенного преступления? Где, в каких нормах УПК такого рода расследование регламентируется? За объективность и качество расследования в конечном итоге отвечает следователь, и он обязан с первой минуты его возглавлять, определять (согласовывая со специалистами) кто и по каким вопросам должен быть допрошен, какие экспертизы проведены, какие доказательства приобщены к делу.

Однако возможности следователя не ограничиваются снижением нагрузки на потерпевшего, подозреваемого, его защитника, свидетелей на досудебной стадии уголовного производства.

Известный российский процессуалист И.А. Зинченко, которому я признателен за консультации и помощь в сборе информации, обратил внимание: по новому УПК Украины суды первой инстанции (районные, городские, районные в городах, межрайонные) некоторые категории производств рассматривают коллегиально. До этой новации системно нарушались установленные законом сроки из-за запредельных нагрузок судей, что зафиксировано в проведенных анализах. А что будет сейчас? – Станут раздувать штаты и всё равно плодить волокиту. Но в руках следователя есть действенные рычаги снижения нагрузки путём оптимизации исследования доказательств в судебном заседании.

В основу может быть положен предусмотренный действующим УПК механизм разрешения производства при заключении соглашения о примирении сторон. Кодексом регламентируется данный порядок при полном признании подозреваемым своей вины. Но на практике отнюдь не редки случаи, когда он признает себя виновным в совершении преступления частично, соглашается с одними эпизодами и имеющимися по ним доказательствами, и оспаривает другие. Тем не мене в обвинительном акте следователь обязан воспроизвести полную картину совершенного преступления и представить суду все без исключения собранные доказательства. А зачем? Почему нельзя отсеять не оспариваемое ещё на стадии расследования?

Несмотря на кажущуюся простоту постановки вопроса, в нём есть подводные камни. В обвинительном заключении (в Украине – обвинительном акте) содержится не просто перечень собранных доказательств, но и их трактовка, анализ, на основании которого делается вывод о виновности обвиняемого (в Украине – подозреваемого). Как известно, у каждого автора может быть своя, порой противоположная, интерпретация одних и тех же событий и фактов. Наглядным примером может служить дискуссируемое до наших дней определение победителя в Бородинском сражении. Допустимо тоже в позициях следователя/прокурора и подозреваемого/защитника. Чтобы исключить возможные ошибки,

обвинительное заключение/акт мною рекомендовалось составлять и выносить на обсуждение не после, а до ознакомления обвиняемого и защитника с материалами дела.

Предлагалось по завершению расследования, наряду с обвинительным заключением, составлять заключение/акт защиты и добиваться максимального согласования позиций сторон с тем, чтобы в суде подлежали рассмотрению только те вопросы, где единство оценок не было достигнуто. Соответственно сокращается перечень лиц, подлежащих вызову в суд и сроки рассмотрения дела. (Допустимо оба заключения размещать на одном, разделенном на две части, листе, где каждому доказательству обвинения будут противопоставляться доводы защиты. Там, где возражений нет, ставится прочерк. Такие факты по согласованию сторон на рассмотрение суда не выносятся. Возражения защиты анализируются, при необходимости возобновляется расследование и повторяется процедура составления сводного обвинительного заключения – заключения защиты).

Резервы для совершенствования организации правосудия, снижения физической и психической нагрузки на его участников есть. Они будут увеличиваться по мере нарастания и совершенствования информационных технологий, повышения уровня научной подготовки работников правоохранительных и судебных органов.

Розовский Б. Г. Новый взгляд на процедуры правосудия

Сегодня в украинском уголовном процессе происходит нивелирование стадии досудебного расследования. За эйфорией новых тенденций (у американцев есть поговорка: тенденция сильнее фактов) теоретики уголовного процесса почему-то не видят очевидную ущербность осуществляемых попыток «списания в утиль» досудебного расследования. В работе, наоборот, подчеркивается потенциал возможностей повышения эффективности судебной стадии уголовного процесса при условии существенной реорганизации процедур стадии Досудебной.

Rozovskiy B.G. A new look at on justice procedures

Nowadays we can see the leveling of the prejudicial inquiry's stages in the criminal procedure. Being in the euphoria of the new tendencies (Americans have a proverb: tendency is stronger than facts), theorists of the criminal procedure for some reasons don't see the defectiveness of the implementing endeavors to discard the prejudicial inquiry's process. In practice, to the contrary, the potential of the possibilities to increase the efficiency of the criminal procedure's judicial stage is accentuated subject to the essential reorganization of the Prejudicial stage's procedures.

УДК 128:125

Арсентьєва О.С.,

*к.ю.н., доц. Східноукраїнського
національного університету ім. В. Даля*

Соболев С.Ю.,

*магістр Східноукраїнського
національного університету ім. В. Даля*

ПОНЯТТЯ, СУТНІСТЬ І ЗНАЧЕННЯ СОЦІАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА СУЧАСНОМУ ЕТАПІ

У статті розглянуто різні підходи науковців до визначення поняття «соціальне партнерство». Окрему увагу приділено сутності соціального партнерства. Обґрунтовано важливість соціального партнерства в сучасних ринкових умовах, як інструменту для досягнення балансу інтересів сторін трудових правовідносин.

Ключові слова: соціальне партнерство, баланс інтересів сторін, ринкова економіка, трудовий кодекс.

Декларування децентралізації правового регулювання суспільних відносин та необхідність узгодження інтересів різних сторін трудових